

в народной речи византийского населения и поэтому могут служить лишним доказательством живой связи автора повести с демократическими кругами жителей византийской столицы. Кстати, название судна „галъя“ уже в то время бытовало и в русском языке; оно встречается в Лаврентьевской летописи под тем же 1204 годом, в повествовании о походе князя Всеволода на волжских болгар. Обращает на себя внимание и выражение „первыи въ боярехъ“. Так в повести передано название сана, который Мурдуфл обещает своему сопернику Николаю Канову. Это выражение — очевидная калька с греческого *protostратор* или близкого к нему слова.¹

С другой стороны, в повести можно усматривать и следы западноевропейского языкового воздействия в ряде мест, особенно когда перечисляются имена и титулы руководителей крестоносного ополчения. Так, Бонифаций маркграф Монферратский назван „маркус“, что может соответствовать итальянскому *marchio, marchiso*.

Это замечено было уже в 1-м издании Новгородской летописи, где в примечании приведена выдержка из словаря Дюканжа: „*marchae, vel marchae, seu provinciae limitaneae praefectus*“.

Любопытно, что родиной маркграфа назван город Верона, причем передано это название в немецкой форме — Берн (Bern) с пояснением: „иде же бѣ жилъ поганыи, злыи Дедрик“, т. е. Теодорих Остготский. Это наводит на мысль о знакомстве автора повести с каким-то немецким источником, возможно, с „Песнью о Нибелунгах“, в которой Теодорих, как известно, фигурирует под именем Dietrich von Bern. Форма же имени „Дедрик“, как кажется, свидетельствует о нижне-немецком его произношении. Балдуин граф Фландрский назван повестью „Кондофъ Офланъдръ“ или „Кондофларендъ“. В первой части этого имени легко узнать итальянское *conte* — „граф“. Во второй же части обращает на себя внимание предлог *of* (в соответствии с верхне-немецким *von*) — „of Flandern“. Не попали ли эти названия в повесть в результате непосредственного общения ее автора именно с фландрскими рыцарями-крестоносцами, со слов которых и были записаны имена их вождей?

Титул дожа Венеции Даноло передан в форме „дужь“, что соответствует итальянскому *Doge* (при латинском и византийском — *dux*), заимствованному очень рано также и в древнерусский язык.

Все приведенные западноевропейские элементы лексики отражают прямое общение автора повести не только с греческим населением Царьграда, но и с „фрягами“, жившими в нем и до захвата крестоносцами и особенно умножившимися после основания Латинской империи.

Повесть сравнительно терпимо относится к крестоносцам и особенно старается отвести обвинения от римского папы и от немецкого императора. Дважды подчеркивается их запрещение рыцарям творить бесчиния в Греческой земле.

В то время как Хониат не жалеет выражений, чтобы обрисовать жестокость латинян, их грубые кощунства и поругания над памятниками византийской культуры, повесть говорит об ограблении ими лишь церковных ценностей. Может быть, это объясняется тем, что для Хониата со взятием Царьграда гибла независимость его родины, сам

¹ М. Р. Фасмер (ук. соч., стр. 161) отмечал, что „ряд греческих композитов (*composita*) с *proto* настолько распространен на русской почве, что стал притягивать к себе путем народного осмысления и другие слова“.